

ГЛАВА 4. ЛЮБОВЬ И СЧАСТЬЕ, БЕДЫ И НЕНАСТЬЯ

Катя готовилась ко всему самому худшему. Она была готова жить в самой таежной глухомани какое-то время даже в палатке. А в Петровском оказалось не так уж и плохо: ее ждал небольшой трехкомнатный домик с кухонькой. Это пристанище Невельские первое время должны были разделить с семейством Д. И. Орлова, с которым Екатерина Ивановна немедленно же и перезнакомилась. Дмитрий Иванович представил ей свою жену Харитонию Михайловну и детей — дочь и сына.

Сначала Кате малолюдное селение показалось диковатым, но постепенно она другими глазами смотрела на Петровское, которое быстро расстраивалось в одну линию. Рядом возводился их домик, намечены были к постройке флигель для офицеров и казарма для нижних чинов. Уже была готова баня, в которой пока временно размещались господа офицеры.

Необходимо отметить, что существенную помощь в разгрузке «Шелихова» и спасении многих грузов, а также и окончательной перевозке всего спасенного имущества оказал только что прибывший корвет «Оливуца», которым командовал опытный моряк и старый знакомый Невельского Иван Николаевич Суцев. Он привел корвет в дальневосточные воды из Средиземного моря, имея приказ охранять русские воды от иностранных браконьеров-китобоев. По инструкции он должен побывать в зимовье Петровском, оказать всевозможную помощь начинавшейся Амурской экспедиции, а затем находиться в Петропавловске-Камчатском в распоряжении военного губернатора Камчатки В. С. Завойко.

Всех очень обрадовало решение мичмана с «Оливуцы» Николая Матвеевича Чихачева перейти на службу в Амурскую экспедицию к Невельскому. Доказательств тому прямых не осталось, но чувствуется, что руку к сему приложил Николай Бошняк, с которым они в один год заканчивали морской кадетский корпус. Невельской, конечно, был рад этому. Теперь вместе с ним в экспедиции насчитывалось трое настоящих морских офицеров, прошедших полный курс обучения в корпусе. Значит, можно планировать более широкую программу грамотных, научных исследований края, можно расширять сферу действий экспедиции. Офицеры «Оливуцы» помогли оформить документы об аварии барка «Шелихов», подписали акты о гибели всех запасов соли и сахара, которые не удалось спасти, а все это было совершенно

необходимо для того, чтобы отчитаться перед правлением Российско-Американской компании, владевшей монополией на снабжение всех русских дальневосточных поселений.

Пользуясь присутствием корвета «Оливуца», Невельской в сопровождении Бошняка, двадцати пяти матросов и казаков на вельботе и байдаре направился вверх по Амуру, к Николаевскому посту. Был с ними и А. П. Березин. Прибыв на место, исследователи увидели штабели древесины, заготовленные временным составом поста во главе с исполнявшим обязанности его начальника Алексеем Порфирьевичем Семеновым. Люди жили во времянке. В холодное время, как это было оговорено, они уезжали в Петровское.

Теперь Геннадий Иванович выставил постоянно действующий Николаевский пост с постоянной командой во главе с Н. К. Бошняком. В помощь ему был оставлен опытный местный житель — Алексей Павлович Березин. Наперед скажем, что именно ему пост обязан задержкой строительства, так как Березин предложил на зиму соорудить для команды и для себя земляные юрты по типу якутских. Одновременно не теряя времени Невельской отправил из Петровского в южную часть лимана, в Южный пролив Николая Матвеевича Чихачева и прапорщика Петра Попова. Им было поручено произвести сколько можно по средствам и времени подробную съемку этих мест, а также попутно выполнить возможные географические, гидрографические и прочие исследования. Возвратились они в Петровское на вельботе, оставив байдару в Николаевском посту. Невельской приготовил все отчеты по экспедиции, попросил Сущева передать их по принадлежности для отправления в Петербург. И только после этого «Оливуца», забрав команду «Шелихова», ушла в Петропавловск-Камчатский.

Пока Невельской рьяно ударился в дела и разъезды, офицеры и команда «Оливуцы» были гостями жителей Петровского. И не только гостями: по просьбе Невельского матросы помогали в строительстве. Зимовье понемногу расстраивалось, с каждым днем приобретая вполне приличный вид. В одном из архивов мне приходилось видеть чертежи строившихся в то время домов, точнее, домиков, казарм, флигелей. Все чертежи имели две подписи: первую — Д. И. Орлова и вторую — Г. И. Невельского, утвердившего документ.

Поначалу Петровское больше напоминало военный городок, если не считать несколько построенных зданий. Всюду были видны палатки, костры, вешала с разбросанными на них матросскими, солдатскими

и казацкими пожитками, большие семейные палатки, в которых женщины пытались создать хоть какое-то подобие уюта, семейного очага. Ближе к основанию песчано-галечной косы, на «материке», виднелись нивхские деревеньки. А с остальных сторон Петровское окружало море. Со стороны залива Счастья плескались волны, с северной стороны грохотало Охотское море, иногда даже заливая часть кошки. От соседнего островка Петровская кошка отделялась нешироким, но вполне судоходным проливом. Через много-много лет именно сюда сядет ширококрылый АНТ¹, и в честь прославленных летчиков назовут эти островки именами Чкалова, Белякова и Байдукова, но Петровская коса и залив Счастья сохранят свои прежние названия.

Обедали в военном городке в одно и то же время, в полдень — это было нормальным расписанием. Забота об обеде для всех офицеров стала добровольной обязанностью Екатерины Ивановны. Она вместе с Харитонией Михайловной и с верной Авдотьюшкой, у которой уже во время путешествия из Иркутска проявились кулинарные способности, каждый день долго ломала голову над тем, как вкусно и сытно накормить мужчин. Очень часто их выручала рыба, которую в изобилии поставляли местные жители, выменивая за нее ножи, стекло, бисер, табак, монисто и прочие житейские предметы и украшения.

Много труда, умения, знаний Екатерина Ивановна употребила на то, чтобы украсить маленькие комнатки построенного для Невельских домика (его общая площадь составляла 15 квадратных саженей²); одна из которых была спальней, а другая служила гостиной, кабинетом, приемной и столовой, смотря по обстоятельствам. И уже скоро молодая хозяйка могла похвастаться родным, что благодаря «коврам и разным безделушкам, которые были со мною, этот бедный уголок приобрел уютный, приличный и почти даже изящный вид».

Вскоре матросы переселились в построенные казармы, где для семейных отгородили отдельные «углы». Некоторые из них решились на строительство собственных домиков. Господа офицеры покинули хорошо послужившую им баню, переехав в построенный для них флигель. Палаточный городок перестал существовать. Екатерина Ивановна постепенно по-иному стала смотреть не только на Петровское, которое с каждым днем становилось все роднее, но и на местных жителей. Одетые в собачьи шкуры, пахнущие рыбой рубахи и нерпичьи сапоги, в какие-то немыслимые деревянные «тирольские» шляпы, от рождения не мытые, поголовно пропахшие жиром, ворванью и табаком, они поначалу внушали ей полное отвращение. Она только от

одного вида нивхов приходила в ужас и поначалу откровенно их боялась. Но время шло, менялись взгляды. Екатерина Ивановна во многом разобралась, научилась видеть под слоем грязи человеческие образы и добрые сердца. Она узнала, что такие названия, как Шантар, Аян, Охота, Лама — по сути своей те же понятия, что и в русском языке — остров, залив, вода-река (а'хоть), большая вода...

Нивхи оказались честными, добрыми людьми, помогавшими зимовщикам валить и перевозить лес, ловить рыбу, охотиться на пушного зверя. Они стали незаменимыми помощниками русским в качестве проводников в их путешествиях по краю. Местные жители рассказывали им о своей земле, ее населении, об Амуре, о реках, в него впадающих, о зимних путях, о тех, кто крайне редко приезжает в эти места... Они снабжали экспедицию ездовыми собаками, рыбой и собачьим кормом. Знакомясь с ними ближе, особенно с женщинами и детьми, Екатерина Ивановна раньше других стала понимать язык нивхов и довольно скоро успешно обходилась без переводчиков. Простым обхождением молодая женщина, начальница, сумела завоевать авторитет, уважение поселенцев и местных жителей. Русские женщины, дети, матросы и казаки видели в ней свою матушку-заступницу, к которой можно было в любое время прийти со своими нуждами.

Осенью наступившие холода и выпавший снег принесли неожиданные трудности. При штормах, когда высоко поднималась морская вода, единственный колодец засаливался. Приходилось добывать питьевую воду из снега. В помещениях всегда было холодно, сколько их не топили. Удивляться тут было нечему: печи складывались из сырой глины и имели прямые, без завитушек, газоходы. В довершение всего первые же обильные снегопады завалили домики под крышу, поэтому выходить на улицу приходилось через чердак.

В начале зимы пришла пора зимних разъездов. В них отправились Чихачев, Попов, Березин и Орлов. Топограф Попов производил съемку. Вскоре из первой своей поездки возвратился энергичный Чихачев. Он ознакомился с условиями плавания, делал в отдельных сложных местах промеры, нащупывая фарватеры. Будучи в Николаевском посту, Чихачев с Орловым плавали по притоку Амурской — реке Амгунь, поднявшись по ней до селения Кеврет. В начале октября они возвратились к Невельскому, привезли рапорты от Бошняка, благоустроившего Николаевский пост. Они и рассказали о том, что в Николаевском посту для будущих строений успешно заготавливается лес, уже готовы

две земляные юрты, крытые сверху досок дерном, построена и действует небольшая, но зато самая настоящая баня.

Во время бесед с Невельским Чихачев получил новое задание: ехать вверх по Амуру до того места, где по слухам недалеко от залива Де-Кастри находилось озеро, от которого до побережья Татарского пролива рукой подать, после чего попытаться вдоль побережья через пролив и лиман возвратиться домой, в Николаевский пост или в Петровское. В свое очередное тяжелое путешествие Чихачев отправился вместе с Березиным и местным жителем Афанасием 18 ноября, а 30 ноября они уже были в заливе Нангмар...

Оставим путешественников с их заботами и вернемся к ним и результатам их многотрудного путешествия позже, а сейчас вновь обратимся к нашим главным героям. Екатерина Ивановна, как ни неприятны были ей поначалу немытые и нечесаные аборигены, особенно женщины и дети, постепенно стала привыкать к такому невольному обществу и стала думать об лучшем устройстве их быта. Начала она с того, что стала усердно изучать нивхский язык, весьма простой и примитивный, но гортанный и непривычный для европейцев. Сравнительно скоро Екатерина Ивановна стала понимать его и обходиться без переводчиков.

15 октября Екатерине Ивановне исполнилось двадцать лет. Она ждала ребенка. Геннадий Иванович поистине превзошел себя, чтобы доставить ей самое большое удовольствие и светлую радость в далекой оторванной от белого света глуши. По его распоряжению тайком от именинницы на раму натянули большое полотно, сшитое из нескольких парусов. На нем экспедиционные умельцы нарисовали иркутский дом Зариных, в котором Катя и Саша были так счастливы, где Катя обрела свою любовь и откуда она уехала сюда, в это захолустье.

Вечером Катя с женщинами занималась столом, закусками. А когда стемнело, ее неожиданно позвали на улицу. Катюша до такой степени была удивлена, что в первый миг сделала несколько шагов к своему дому, так ярко и искусно освещенному, к которому вела знакомая протоптанная дорожка, по которой Катя ходила в свой дом в Иркутске. Восторг, радостные слезы и горячие поцелуи стали ее ответом на такой роскошный подарок. А затем местные пиротехники показали свое искусство, устроив праздничный фейерверк, доселе невиданный в этих местах.

На него сбежалось все население, нивхи никак не могли понять, что произошло. А когда в их сознании каким-то образом уместилось,

что все это сделано нарочно в честь молодой русской хозяйки, то с этого времени они стали ее едва ли не боготворить. Завершился веселый и радостный день праздничным столом, причем от щедрот хозяйки матросам и казакам перепало по чарке. Не обошли вниманием и присутствовавших местных жителей.

Я могу так подробно рассказывать об этом потому, что Катя сама сообщила обо всем произошедшем сестре Саше. Она писала, что они часто коротают вечера за игрой в карты или шахматы, что она очень пристрастилась к этой древней, красивой игре и даже советовала сестре выучиться играть в нее.

Чтобы яснее представить внутренний распорядок зимней жизни Амурской экспедиции, воспользуемся официальными сведениями, которые Геннадий Иванович Невельской привел в своей книге. «К половине октября в Николаевском были готовы две юрты, обнесенные засеками, а в Петровском флигель в 3 саж. ширины и 5 саж. длины для нового размещения. Само собой разумеется, что все это делалось из леса прямо с корня; печи же, или лучше сказать, чувалы (вроде каминов), были сбиты из глины, или сложены из сырого кирпича, без всяких оборотов, с пролетом напрямую. Ясно, что жить в подобном хоромах было далеко не комфортабельно; во время метелей (пург), случавшихся нередко на открытой кошке, все строения были заметаемы снегом так, что попадать в них не иначе было возможно, как через чердаки. Много стоило труда, чтобы разгрести окна для света и двери для входа; прибавте еще к этому, что мы были окружены в несколько раз превышавшим нас по численности диким народом, у которого нож и физическая сила составляла единственное право. Ближайший к нам сколько-нибудь цивилизованный пункт Аян лежал в тысячи верстах пустынного и бездорожного пространства, по которому тунгусы верхом на оленях едва ли могли добираться в пять или шесть недель.

Несмотря на все это и на различные лишения и недостатки в самых необходимых для цивилизованного человека потребностях, офицеры и командиры, по примеру образованной и молодой женщины, моей жены, заброшенной судьбой в эту ужасную пустыню и разделявшей наравне с нами без всякого ропота все эти лишения и опасности, переносили их твердо и бодро, сознавая долг свой и пользу для отечества. Главным и единственным для всех развлечением летом было катание по заливу на гилякских лодках, а зимой — на собаках»³.

Забот у Невельского, как говорят, был полон рот. К счастью, у него имелись отличные помощники: Орлов и Бошняк. С уходом «Оливуцы»

его заботы были связаны не только с устройством Петровского и Николаевского поста, но так же и с исследованием огромного края, изучением населения, заведением с ним дружеских отношений. Главные вопросы Невельскому приходилось решать самому, тут никто не мог ему помочь. На нем лежала огромная ответственность, он был представителем Российского государства на тысячи верст вокруг. У него искали правду местные жители, с которыми участники Амурской экспедиции и представители Российско-Американской компании вели торговлю или расторжку, как тогда говорили. Одним словом, Невельской был хозяином края и отвечал за все происходившее здесь.

К первому Новому году в Петровском сюда стал прибывать народ. Сначала возвратился Чихачев, совершивший поистине одно из выдающихся путешествий по краю. Вместе с Березиным они добрались до озера Кизи, затем вышли через реку Таба к заливу Нангмар (залив Де-Кастри, ныне залив Чихачева). Здесь он узнал о существовании к югу от побережья Татарского пролива большого числа рек, впадающих в пролив, а также о большом заливе, который местные жители называли Хаджи. Узнали путешественники и о том, что они «о Китае и китайцах не имеют никакого понятия», что китайцы живут сами по себе, торгуют с теми, кто приходит в их земли⁴. Чихачев возвратился в Петровское 20 декабря.

Вслед за ним 23 декабря приехал в Петровское и Орлов, который с нивхом на двух нартах съездил на север в селение Коль, пробрался к озеру Чля, обошел его, положил на карту, поднялся на водораздел, с которого можно было спуститься по реке Бурея в реку Амур, осмотрел озеро Ахту, вышел на речку Биджи, затем снова через озеро Удыль вернулся к Амуру, по которому и возвратился в Петровское. Он также помимо географических и иных сведений привез много интересных сообщений местных жителей о том, что о китайцах никто из них слыхом не слыхивал, равно как и о маньчжурах. А так разные торговцы по тайге и по рекам бродят, разве обо всех узнаешь. Невельского обрадовали эти первые успехи.

В Петровское приехал на празднование Нового года из Николаевского и Бошняк. Все офицеры оказались в сборе и встретили праздник в обществе Невельских. Умная, добрая и красивая хозяйка дома умело направляла беседу, не давая гостям грустить. Постепенно разговоры свелись к обсуждению будущих экспедиций и задач на предстоящую зиму и весну. К лету все ожидали подкрепления. Пришла под Новый год и первая почта, но преимущественно местная — из Аяна и Охотска.

Этим случаем воспользовались все, чтобы написать о себе письма и переправить их по адресам.

Невельской, например, смело написал Муравьеву знаменательные строки: «Цель, которую решил преследовать я с моими сотрудниками, собравшимися к 1852 году в Петровское, состояла в том, чтобы обнаружить пред правительством важное значение для России Амурского бассейна с его побережьями и тем положить твердое основание к признанию навсегда за Россией этого края... Такова была миссия, выпавшая на нашу долю, и мы встретили 1852 год с твердою решимостью не отступая ни перед какими преградами исполнить долг свой перед Отечеством»⁵. Невельской очень просил Муравьева усилить экспедицию по крайней мере двумя офицерами и полусотней матросов, причем при выслуге лет здесь засчитывать им срок службы год за два.

Еще раз напомним о том, что я не ставлю задачу подробно рассказывать о всех географических исследованиях, имевших место в Амурской экспедиции. Скажу лишь то, что 1852 и 1853 годы стали самым результативным ее периодом. В это же время экспедиция оказалась наименее обеспеченной, в ней свирепствовала цинга, прекратившаяся лишь в начале 1854 года. И в личной жизни Невельских произошли трагедии. Причин тому было много: новое дело, начатое на необжитом месте, косые взгляды некоторой части правительства, особенно со стороны военного министра И. З. Чернышова и министра иностранных дел канцлера К. В. Нессельроде. Самое главное затруднение состояло в том, что материальное обеспечение Амурской экспедиции целиком и полностью зависело от Аянского порта Российско-Американской компании, начальником которого был капитан-лейтенант Александр Филиппович Кашеваров, креол, родившийся в Ситхе, обучавшийся в Кронштадте в Штурманском училище и, естественно, защищавший прежде всего интересы родной и вскормившей его компании.

Все время получалось так, что Невельской, ставя в известность Муравьева о своих предполагаемых действиях, часто заранее знал, что ответ от него придет тогда, когда дело уже будет сделано. Таким образом, как бы извиняясь, сваливая все на отдаленность, Невельской постепенно расширял сферу действия Амурской экспедиции, проводя сначала разного рода исследования, а затем выставлял военные посты. Во многих случаях помогало то обстоятельство, что Невельской был близок к генерал-адмиралу великому князю Константину.

Сразу после Нового года, в январе, в Нижнем Приамурье побывал Д. И. Орлов, а в феврале разъехались по своим маршрутам Чихачев, Березин, Попов и Бошняк. Невельской очень удачно сумел создать коллектив единомышленников, в котором они даже обращались друг к другу не строго официально по чинам, а уважительно, по имени и отчеству. По крайней мере, ни в одном из множества просмотренных мною писем иного обращения я не встретил. Такая хорошая, душевная обстановка привела к тому, что каждый член экспедиции — рядовой, чиновник или офицер и даже жены нижних чинов — прониклись сознанием важности творимого ими Дела, его государственностью. Заставлять работать никого не приходилось, люди сами напрашивались в трудные поездки. Вот и сейчас задачами для отправившихся до наступления навигации были: топосъемка правого берега Амура, поход по рекам и озерам нижнего левобережья (Амгунь, Горин, озеро Самагиров, залив Нангмар) и путешествие на Сахалин.

Я не могу рассказывать об этих вояжах, так как каждый из них заслуживает отдельной книги. Наибольшее внимание следует обратить на исследования Бошняка и Чихачева. Николай Константинович совершил первое путешествие на Сахалин, пересек его в северной части по долине реки Тымь и вышел к берегу Охотского моря. Затем с огромными трудностями (кончились продукты, были стерты ноги, иногда не имелось собак, почему приходилось идти пешком на лыжах-плоскоступах) он возвратился к берегу Татарского пролива и отсюда от мыса Тык через лиман вернулся в Николаевский дворец. Именно в дворец, показавшийся ему таким по сравнению с юртами.

С нивхом Позвейном, единственным проводником Бошняка в путешествии по Сахалину, ему удалось составить карту маршрута, положить на нее часть побережья острова и направление течения всей реки Тымь, открыть и частично описать месторождения каменного угля, получить сведения о том, что лет двадцать тому назад у восточного берега близ селения Мгачи потерпело крушение судно. Моряки построили на берегу дом, снова смастерили судно, на котором обогнули Сахалин и опять-таки около селения Мгачи снова разбились, и по словам туземцев все погибли, кроме одного, звали которого Кемец. Вскоре после этого с Амура прибыли двое русских: Василий и Никита, которые, объединившись с матросом, построили себе дом, вели жизнь, обычную для промышленных людей... Все они окончили жизнь на Сахалине. Судя по тому, что двое прибывших с Амура очень боялись русского царя, можно было судить о том, что они были беглыми катор-

жниками. Бошняк подробно описывал селения, жителей, а в селении Виахту встретил у одной из местных женщин листки из акафиста Иисусу, подаренные ей совсем недавно побывавшими тут русскими. Я видел эти листки, они сохранились в архиве.

А. П. Чехов, спустя несколько десятилетий путешествовавший по Сахалину, неоднократно тепло отзывался о Невельском и Бошняке. Наслаждаясь покоем и гостеприимством семьи Невельских, Николай Константинович Бошняк позже часто вспоминал об этом времени. В изложении М. С. Угличаниновой, племянницы Г. И. Невельского, говорится, что рассказы об этой экспедиции она слышала «частью от самого Геннадия Ивановича, частью от моего знакомого по Костроме Николая Константиновича Бошняка, бывшего под его начальством в этой экспедиции, который, между прочим, рассказывал, каким светлым и согревающим лучом была для них всех жена Геннадия Ивановича, Екатерина Ивановна Невельская; как освещал и согревал этот луч тех, среди которых судьба ее забросила и где она провела много лет, терпя нужду, голод и холод. Он рассказывал как она изучала их язык, как она ласкала и делилась... последним куском, желая сыскать их доверие и любовь к ее мужу, которому они были так необходимы в его изысканиях»⁶.

Трудное путешествие выпало на долю Чихачева и отправившихся след за ним Березина и Орлова. Последние двинулись по правому берегу Амура для сбора сведений от местных жителей с тем, чтобы по приходу сюда Чихачева поступить в его распоряжение.

Чихачев отправился в путь 12 февраля 1852 года в сопровождении нивха Афанасия. Он дошел до устья реки Амгунь, поднялся по ней, ведя все это время опись маршрута, далее перешел к озеру Самагиров, оттуда вдоль берега к реке Горин, где трое суток прожил в селении того же названия, безуспешно пытаясь найти проводника. Тогда он один проехал 150 верст по реке Горинной. Когда он прибыл к ее устью, к Амуру, то у него оставалось корма для собак лишь на двое суток, у самого же продукты полностью закончились. «На девятые сутки, давая собакам по одной кости, не могу сказать, чтобы доехал, но дошел до Кизи». К счастью, тут оказался Попов, а затем прибыл Березин, который вскоре отправился с рапортом в Петровское. А сам Чихачев с Поповым, Афанасием и казаком, приехавшим сюда с Березиным, оборудовали в заливе Нангмар (Де-Кастри) нивхскую лодку и совершили на ней труднейшее плавание вдоль материкового берега до самого южного пролива (теперь пролив Невельского), и от него по все-му лиману, в Петровское, куда он и возвратился 18 июня 1852 года.

Едва отдохнув, весной 1852 года Бошняк и казак Семен Парфентьев выехали в новое путешествие вверх по Амуру до селения Вайт, где они простояли десять суток из-за сильной пурги. Затем они переехали к селению Ухтр, где Бошняку предстояло наблюдать вскрытие реки Амур и исследовать протоку Уй, ведущую к озеру Удыль, из которого она вытекала. Подождав вскрытия Амура до 11 мая, Бошняк еще больше месяца исследовал озеро, Серебряный остров на нем и протоку, и лишь 17 июня он прибыл на нивхской лодке в Николаевский пост. 20 июня Бошняк явился в Петровское для сдачи отчетов. В этот день посчастливилось встретиться двум товарищам, неутомимым путешественникам.

Прежде чем продолжить рассказ о путешествиях, совершенно необходимо сказать и о том, какова была связь экспедиции с внешним миром и как чувствовали себя наши главные герои вдаль от родных и близких. Обо всем личном я узнавал из писем Екатерины Ивановны и Геннадия Ивановича к Николаю Матвеевичу Ельчанинову, хранящихся в Смоленском архиве, а также из служебной, официальной и частной переписки Невельского с Муравьевым, великим князем Константином и Корсаковым. Но я не нашел ни одного письма Невельского своим родным: матушке, сестре или еще кому-либо. Возможно, что их забрала Ольга Геннадьевна, когда в начале 1890-х годов, уже после смерти родителей, живя во Франции, она писала книгу о них. Вполне вероятно, что какая-то часть архива Невельских может храниться и по сегодняшний день в Ницце, где проживала Ольга Геннадьевна. Впрочем, сколько времени прошло, сколько буйных ветров и военных бурь пролетело над Европой и над Ниццей, что мои предположения могут остаться всего лишь предположениями. И все же...

Чаще всего Екатерина Ивановна писала своему другу — дяде Владимиру Николаевичу Зарину и сестре Сашеньке, которые вскоре после свадьбы Невельских уехали-таки из Иркутска, но не во Владимир, как было назначено, а в Курск, куда попросился Зарин, так как его престарелая мать проживала в Орловской губернии, что было значительно ближе к Курску, нежели к Владимиру. Это приняли во внимание. Чрезвычайно важной новостью для Невельских и особенно для Кати стало известие о предстоящей свадьбе Саши с Иваном Сергеевичем Мазаровичем. Свадьба намечалась на январь 1853 года, а до того времени жених по неотложным делам должен был съездить в Бессарабию (ныне Молдова), где надо было решить наследственные вопросы — здесь у его отца было имение. С этого времени к смоленской и курской приба-

вилась московская переписка, где первое время жила Саша с мужем, затем краснаярская, где служил И. С. Мазарович, иногда писали из Кинешмы и из Петербурга. Я располагаю одним таким письмом — от Ивана Антоновича Купреянова. Его вполне достаточно, чтобы судить о том, что Невельские, хотя и с трехмесячным опозданием, но имели представление о жизни своих родственников, близких и добрых знакомых.

Получил такую возможность и Невельской, по крайней мере, как начальник экспедиции, ибо почта заметно наладилась и отправлялась, за редким исключением, в определенное время, точно так же как и прибывала. Великолепные результаты исследований Бошняка, Чихачева, Березина и Попова (Воронин в это время «сидел» начальником в Николаевском посту) Невельской с большим удовлетворением передал Муравьеву, Константину и Меншикову. Он писал о том, что солдаты, казаки, матросы, поселенцы и офицеры твердо и прочно основались в Николаевском и Петровском. Просил утвердить предложенный им новый штат экспедиции, увеличенный до 353 человек, убеждал в необходимости выставить новые посты в районе озера Кизи и в заливе Де-Кастри. Просил, умоляя освободить Амурскую экспедицию от финансовой зависимости от Российско-Американской компании, представителям которой в экспедиции, да и самим участникам экспедиции приходится больше торговать, нежели заниматься исследованиями, так как от экспедиции компания в первую очередь ждала прибыль, а не научных результатов. Он сообщал, что многое сделано и в налаживании отношений с местными жителями, что часть из них выражает желание принять христианство, и что некоторые уже сделали это, что солдаты и матросы небезуспешно учат их строить рубленые дома, разводить огороды. Постепенно приучают их, особенно женщин, к мылу и стирке. Молодые парни из экспедиции не стеснялись приглашать нивхских девушек на посиделки, чему были особенно рады их родители, мечтавшие о русских мужьях для своих дочерей. В общем, жизнь в Приамурье налаживалась, чему помогали и дружеские наставления — разрешения Н. Н. Муравьева, верховного представителя власти в здешних местах. Ему и самому не всегда просто приходилось «протаскивать» у царя то или иное постановление — сказывалось влияние группировки Несельроде. Надеясь победить в этой борьбе, Муравьев часто и весьма ответственно распоряжался от своего имени.

Так, в ответах на докучливые просьбы Невельского идти дальше и расширять сферу своих исследований, Муравьев отвечал четко, лаконично, но всегда оставлял лазейку для инициативы. Вот один

их таких примеров: «С моей стороны могу Вам только сказать: утвердитесь в Николаевском и Петровском и рассылайте всех осматривать, описывать и снимать, но до Чля не трогайтесь, покуда не получите дальнейших распоряжений; Сахалин держите в узде из Петровского и сделайте самое подробное описание Южного пролива; я почти уверен, что в навигацию 1853 года мы будем иметь “дорогого посетителя” и тогда развяжутся руки» ⁷.

Под «дорогим посетителем» подразумевался юный великий князь Константин, ставший управляющим Морским министерством. Либерально настроенный, безгранично любящий флот, принимавший самое активное участие в Великом Амурском Деле, он не благоволил Российской-Американской компании, несмотря на то, что во главе Русской Америки после смерти А. А. Баранова и до ее продажи в 1867 году Северо-Американским Соединенным Штатам неизменно стояли морские офицеры или адмиралы. На Дальний Восток Константин собирался попасть самым кратчайшим путем: ни вокруг света, ни через Петропавловск-Камчатский, и даже ни через Охотск или Аян, а напрямую по Амуру.

Пора сказать, что в ближайшие планы Невельского, и разумеется, Муравьева, входило плавание по всему Амуру: от Усть-Стрелочного поста, там, где Шилка и Аргунь сливались в единую реку Амур, и до устья, до Николаевского поста и Петровского зимовья. Под руководством произведенного в капитаны 2-го ранга Петра Васильевича Казакевича в Сретенске и в Нерчинске строились не только баркасы и баржи, но и первый русский пароход в этих краях, получивший название «Аргунь». Послано было письмо китайскому императору с просьбой не только не препятствовать проходу русского сплава (так в Сибири и на Дальнем Востоке по аналогии с лесосплавом называли караван речных плавсредств), но и во имя традиционных дружественных связей двух держав оказывать ему всяческое содействие и помощь.

Ощущая поддержку «сверху», Геннадий Иванович действовал с размахом, но учитывая местные возможности. Так, он заложил шеститонный ботик, который по готовности должен был перевозить всякие грузы между Николаевском и Петровским. «Молю Всевышнего, — восклицал Невельской в очередном письме Константину, — чтобы этот Амурский первенец был предвестником флота Русского в водах Амура и Тихого океана, на славу и пользу Царя и Отечества». По многим причинам Невельской не отправлялся в путешествия по краю. Прежде всего, центром экспедиции стало Петровское, и

Невельской был нужен здесь. К нему шли местные жители, он организовывал экспедиции, вел переписку с Аяном, одним словом, Петровское стало центром русской жизни на устье Амура. Была и другая причина, понять которую нетрудно. Екатерина Ивановна была беременна, и Геннадий Иванович, памятуя о своей неопытности в путешествии по Охотскому тракту, рисковать больше не имел права. Он тщательно оберегал покой супруги. Боготворившая молодую госпожу, домашний ангел-хранитель Авдотья также всегда была начеку. Особенно ей не нравились участвовавшие в последнее время визиты к «госпоже начальнице» женщин, у которых появились разные секреты. Была и еще одна немаловажная причина. Невельской давно ждал прихода корвета «Оливуца», а с ним — новостей, продовольствия и подкрепления. В зимнее время ему удалось наладить почту. Три раза доставлялись и отправлялись эти «писки», как нивхи называли бумаги, письма и депеши. Но, видимо, они питали такое уважение к ним, что не вынимали их из одежды, и по словам Катериной сестры Саши, она получала от нее «прелые» письма.

Долгожданное событие свершилось: 1 июня 1853 года Екатерина Ивановна родила дочь, которую назвали Екатериной. У маленькой Кати с рождения было еще одно имя-прозвище: «амурская барыня». Как-никак, она стала первой русской, родившейся в низовьях Амура. Радость матери была велика. Очень приятно было Екатерине Ивановне слышать теплые, искренние слова поздравлений молодых офицеров, верных друзей семьи, — Николая Бошняка и Николая Чихачева.

Положение в экспедиции ухудшалось с каждым днем, а «Оливуца» все не приходила. Естественно, что принимались всевозможные меры облегчить положение. Невельской отправлял в Аян к Кашеварову с каждой оказией прошения, рапорты, гневные письма. Но Кашеваров был человеком компании и не подчинялся ни Муравьеву, ни тем более Невельскому. Он родился в Ново-Архангельске в семье русского учителя Филиппа Кашеварова, приехавшего туда из Курской губернии, и алеутики. С назначением губернатором вновь образованной Камчатской области Василия Степановича Завойко и производством его в генерал-майоры, положение осложнилось еще больше. Отныне Невельской за каждой мелочью должен был обращаться к Завойко, получать от него разрешения и перед ним отчитываться, то есть подчиненность экспедиции из непосредственного ведения Муравьева была передана Завойко. Это очень ухудшило ее положение, учитывая огромные дальневосточные расстояния и их непростые личные взаимоотношения.

Экспедиция ощущала явный недостаток в продовольствии и снаряжении. А для того, чтобы успешно продолжать начатые исследования в крае, нужны были еще и еще люди. Но ничего этого не имелось, зато было неизвестно, когда и что появится, и появится ли в этом году вообще. Поэтому с наступлением теплых дней все активно принялись за возделывание огородов, посадку картошки, редиса, репы, капусты, сбор кедровых орехов. К сожалению, как на зло, в этот год рыба ловилась плохо. На нее рассчитывали не только участники экспедиции: рыба служила местным жителям основным источником пищи. Начался настоящий голод, появилась цинга, пришлось урезать пайки. Неважно чувствовала себя Екатерина Ивановна — малышке явно недоставало молока, а взять его было негде — на тысячи верст в округе не водилось ни одной коровы.

И все-таки не все так плохо и печально было в эту первую зимовку и первую весну в Амурской экспедиции. У местных жителей существовало поверье, что каждый копающий землю и сажающий что-нибудь впоследствии должен умереть от плодов. Невельские решили убедить их в том, что это вовсе не так. Один из нивхов, Паткен, живший неподалеку, ежедневно наблюдавший за работой русских, обратился к Екатерине Ивановне с просьбой научить его жену сажать картофель. Екатерина Ивановна сама вскопала грядку, посадила клубни и велела своей подопечной поливать и полоть их. Сама же она постоянно наблюдала за работой. Когда картофель вырос, и семья Паткена с удовольствием убедилась, что от этого не только никто не умер, но и не заболел, то все горячо благодарили Невельских. А затем примеру Паткена последовали и другие жители.

Всем доставило много радости событие, случившееся с молодой женщиной по имени Сакони. Муж привез ее к Екатерине Ивановне и слезно молил спрятать, так как гиляки с острова Лангр собрались украсть красавицу — таковы были тамошние нравы. Екатерина Ивановна приняла самое деятельное участие в ее судьбе. Она не только спрятала девушку и держала ее у себя необходимое время, но сделала так, чтобы Сакони, никогда не мывшуюся, отмыли с мылом от грязи, одели в белую рубашку и сарафан. Молодой женщине так это все понравилось, что она стала мыться и расчесываться каждый день. Вскоре ее примеру последовали многие. Надо было видеть, с каким восторгом русские женщины отмывали своих товаров. А матросы смывали вековую грязь с мужчин на берегу залива Счастья не только мылом, но и обычным песком. Сколько радости было у русских, когда они

наблюдали, с каким восторгом смотрели нивхские женщины и девушки в подаренные им зеркальца на собственное отмытое изображение!

Случались и горькие события. Одним из самых неприятных за всю историю Амурской экспедиции был побег из Николаевского поста шестерых матросов. Расследование, проведенное Бошняком и Невельским, показало, что они замыслили дезертировать за границу еще в Охотске. Поэтому они особенно рьяно проявляли себя на службе, в подготовке экспедиции, делали все для того, чтобы составить о себе самое лучшее впечатление. В этом они преуспели: были на хорошем счету, им доверяли важные задания, поездки из Петровского в Николаевский пост и по окрестностям, в деревни местных жителей. Убежали они на единственной лодке, имевшейся в Николаевском посту, прихватив с собой и денежную казну. Как оказалось, казну в ночь побега охранял его участник. Догнать беглецов было не на чем. Так никто до сих пор и не знает, куда удрали от царской службы русские парни.

Именно во время побега на рейд Петровского наконец-то пришел корвет «Оливуца», которого, признаться, многие и ждать перестали, рассчитывая на собственные силы. Невельской уже подумывал о том, чтобы самому каким-то образом добраться до Аяна и устроить там трам-тарарам. И вдруг! На «Оливуце» прибыла очередная партия солдат, казаков, мастеровых и два офицера: Александр Иванович Петров и Григорий Иванович Разградский — штурманы, по существовавшему положению произведенные в мичманы, как изъявившие желание служить на Дальнем Востоке (в Камчатке, как тогда было принято говорить), а из продовольствия — пришла лишь одна мука. Гневу зимовщиков и, конечно, Невельского, не было предела.

Вряд ли нужно пересказывать содержание писем, которые направил он в разные адреса с новым командиром «Оливуцы» лейтенантом Иваном Федоровичем Лихачевым (И. Н. Суцев утонул в реке Камчатке). Стало ясно, что если что-то из продуктов и может появиться этим летом, то только к глубокой осени. Оставалось одно — засучив рукава, продолжать те усилия, поддерживать тот темп, который сложился в Амурской экспедиции, при подготовке к следующей зимовке. Положение осложнялось еще и тем, что среди прибывших солдат, матросов и мастеровых (всего 34 человека) половина были пожилыми, имелись и больные. Но самая главная сложность состояла в том, что с ними прибыли 38 членов их семей — жен и детей.

Трудно, очень трудно пришлось поселенцам. Несмотря на кажущееся значительное увеличение состава участников Амурской экспедиции,

фактически он вырос лишь на пять человек, так как пятнадцать больших отправлялись на «Оливуце». Зато потребовалось срочно строить помещения для двенадцати семейств, их надо было приютить и прокормить. По семейным обстоятельствам был вынужден покинуть экспедицию Н. М. Чихачев. Правда, появились два новых офицера. Временно прибывший священник Гавриил Иванович Вениаминов совершил обряд крещения Кати Невельской и сына Орловых — Саши.

Для того чтобы нагляднее представить, каким образом выглядело в то время селение Петровское, воспользуемся воспоминаниями, оставленными одним из вновь прибывших офицеров — А. И. Петровым. Когда он узнал, что некоторое время ему и Разградскому, также как и многим другим прибывшим, придется пожить «под елкой», то есть в палатке, то решил посмотреть, куда же его занесла судьба, прошел прогуляться по селению.

Вот его наблюдения. В Петровском в это время были: новый дом Невельских размером 3,5 на 5 сажений, в котором имелись четыре комнатки, прихожая и кухня; сажень в тридцати от него стоял флигель Д. И. Орлова, в котором первоначально он жил с Невельским; неподалеку от берега стоял деревянный пакгауз (склад), где хранились мука и крупа и находилась лавка Российско-Американской компании; далее по этой же линии (улице) строился дом для священника Г. И. Вениаминова. Сзади флигелей первой линии стояла юрта-землянка, в которой помещалась команда зимовавшего здесь бота «Кадьяк». Подальше находилась казарма размером 4 на 7 сажений для холостых и женатых казаков. Позади дома Невельского стояла маленькая изба в два окна — баня, в которой имелись кухня, прихожая и одна комнатка. В ней жили доктор Евгений Григорьевич Орлов, Алексей Иванович Воронин, Алексей Порфирьевич Семенов, приказчик Российско-Американской компании Иннокентий Акимович Титов. Впереди пакгауза была устроена пристань, вблизи которой лежал выброшенный на берег бриг «Охотск». В окна домов вставили битые стекла, а в казарме рамы затянули белым миткалем. Никаких палисадников, оград, загоронок у домов не было.

Провожая «Оливуцу» и талантливого Чихачева, Невельской просил командира судна посдействовать тому, чтобы в это же лето Завойко и Кашеваров оказали им необходимую помощь. Он просил Чихачева, направлявшегося через Иркутск в Петербург, всенепременно не только передать его личное письмо Муравьеву, но и самому рассказать о своих впечатлениях, о положении, создавшемся в экспеди-

ции, о голодном пайке, о недостатке самого необходимого: лопат, топоров, ножей, гвоздей, долот, столярных инструментов, ломов...

Однако письмами и самыми настойчивыми, злыми просьбами сразу дела не поправишь. Письма придут к адресату через полгода, а помощь, если она будет своевременно оказана, поспеет лишь на следующий год, в следующую навигацию. А жить надо сейчас. Кормить, одевать, поместить под крышу людей следовало уже теперь. Зима в этих местах приходит быстро и становится сразу, не давая времени для раскачки. А надо было не просто существовать, но выполнять важную государственную программу исследований, расширять их районы во всех направлениях: по Амуру на юг по лиману и дальше, на Сахалин.

Петров занимался перевозкой продовольствия и товаров из Петровского в Николаевский пост, где Бошняк временно сменил Разградский. Бошняк же отправился в залив Де-Кастри, куда пробырался по Амуру, озеру Кизи, реке и озеру Таба, далее через перевал. На берегу залива он выбрал место для поста, объявил жителям, что следующим летом тут поселятся русские, вручил старосте селения соответствующий документ на русском и французском языках. Лишь в начале осени, 8 октября он возвратился в Петровское, а затем в Николаевский пост. Этим летом Орлов промерил южную часть лимана, а Воронин написал побережье Сахалина от мыса Погоби до залива Виахту.

Конечно, больше всего хлопот было у Невельских. Если с поездками по краю все обстояло благополучно, считалось большой честью получить самостоятельное задание и выполнять его не щадя сил, то заботы о благоустройстве поселенцев, о строительстве поселка, о продовольствии, о благополучии и здоровье зимовщиков занимали начальника постоянно. Самыми насущными среди них были продовольствие и жилье. Строения возводились не на авось, а по чертежам, которые составлял Орлов и утверждал Невельской. Нельзя без волнения смотреть на эти немые свидетельства, прекрасно сохранившиеся в архивных делах, пришедшие к нам с Петровской косы из домиков Невельского и Орлова. Над этими чертежами склонялись славные морские офицеры России.

Петровское постепенно росло. Возвышались два сруба для нового флигеля и очередной казармы, постоянно заготавливался строительный лес. Петровское могло уже похвастаться ледником, колодецем, новой баней, восьмитонным палубным ботиком, двухвесельным ялом, вельботом, наборной лодкой, двумя береговыми шпильями, сараем на столбах, скотным двором. Было заготовлено несколько тысяч штук кирпичей.

Осенью 1852 года в Амурской экспедиции состояли 64 человека: 25 — в Николаевском посту, 23 — в Петровском зимовье, 16 — в разъездах. В ноябре отправился в очередную поездку неутомимый и неугомонный Бошняк. Ему нужно было описать Чукчагирское озеро, путь к которому шел сначала по Амуру, затем по Амгуни. Успешно исполнив это поручение, Бошняк возвратился лишь 22 декабря. Чуть раньше, 18 декабря, вернулись люди с устья реки Хунгари, где они подробно разузнали о путях, ведших через перевал, по Тумнину — к заливу Хаджи, о котором были много наслышаны от местных жителей. Осенью Российско-Американская компания все-таки откликнулась на просьбы Невельского. В начале сентября в залив Счастья пришел бот «Кадык», командир которого Никита Ильич Шарыпов не решился идти на зимовку в Петропавловск и остался в Петровском. А вскоре после него в Петровском появился и корабль Российско-Американской компании, с которым А. Ф. Кашеваров прислал продовольствие. Продуктов пришло так мало, что Невельскому сразу же пришлось вводить ограниченные пайки, а крупы, медикаментов и водки не было привезено совсем.

И все же праздники Рождества и Новый год отмечали и в Николаевском, и в Петровском. Из более чем скромных запасов каждый получил по десять фунтов белой муки и масла, по полфунта чая и по чарке водки. В Николаевском посту обедали все вместе — мужчины и женщины — за одним столом. В Петровском усилиями Екатерины Ивановны, Харитонии Михайловны и Авдотьи стол был обилен, а гостиная в миниатюре напоминала иркутскую. Произносили тосты, пели, танцевали, даже разыгрывали сцены из «Недоросля», днем катались с гор, собачьи и оленьи упряжки мчали их по снежному заливу.

Перед самым Новым годом пришла почта. Из писем Невельские узнали об обручении Саши и Ивана Семеновича Мазаровича, о судьбе Николая Ельчанинова. По просьбе Невельских их родственник, родной брат мужа сестры Невельского, известный мореплаватель адмирал Иван Антонович Купреянов, определил юношу на службу, помог ему сдать экзамен на юнкера флота и устроил на один из военных кораблей, идущих вокруг света на Дальний Восток. Катя был рада предстоящей встрече с братом, которого надеялась уговорить остаться в Амурской экспедиции.

Екатерина Ивановна понимала, что Новый год, по крайней мере наступившая зима, не сулит ей перемен к лучшему. Она знала, что ей придется провести этот год, а может быть, и не один, на узкой полоске

песчаной кошки, летом и осенью продуваемой всеми ветрами, заливаемой штормами неласкового Охотского моря. Вчерашняя воспитанница Смольного института многое перенесла, многому научилась и теперь сама знала, чему следует учить других.

Хозяйство у нее было сложное и огромное. На первом месте стояла семья. Она отлично справлялась со своими главными обязанностями. Второй ее семьей стали офицеры экспедиции. Молодой женщине необходимо было оставаться прелестной женщиной и заботливой, приветливой радушной хозяйкой. Все офицеры понемногу были в нее влюблены. Во всяком случае, двое из них — Николай Константинович Бошняк и Воин Андреевич Римский-Корсаков — признавались в своей влюбленности в письмах к ближним. Она была примером преданности делу мужа, образцом стойкости для всех женщин экспедиции, для жен нижних чинов, их матерей и сестер. Она не могла себе позволить начальственный, барский тон. Только дружба и внимание помогли ей завоевать расположение окружающих. К ней без страха и робости заходили местные жительницы, и она учила их мыться, одеваться, обрабатывать землю и заводить грядки. В этом Екатерина Ивановна делала большие успехи.

С приходом Нового года наступила пора новых испытаний, тяжелых и жестоких, из которых самой страшной стала цинга. Она немилосердно косила слабых и тех, кто терял способность к сопротивлению. Самая большая смертность пришлась на первые зимние месяцы 1853 года. Как ни старался доктор Евгений Григорьевич Орлов, сколько ни придумывал разных средств фельдшер Андрей Шишерин, болезнь не шла на убыль. Скоро начались похороны. Умирили матросы, скончался единственный плотник Степан Решетников, оставивший после себя бабушку, жену и троих малолетних детей. До мая месяца росло число крестов на окраине Петровского, где устроили кладбище. Заботы о семьях умерших также ложились на плечи Екатерины Ивановны, которой пришлось провести много часов, разделяя горе безутешных вдов и сирот.

Геннадий Иванович делал все, что мог, но иногда его нервы сдавали. И тут всегда рядом оказывалась милейшая Катенька. Ничего изменить было нельзя, приходилось обходиться только собственными силами, писать прошения и уповать на то, чтобы на следующую зимовку экспедицию вновь не оставили на голодном пайке. Пока же они выжидали, покупая осетрину. Дошло до того, что Невельской был вынужден дать распоряжение забить скот, только что доставленный в

Петровское и в Николаевский пост. Эта крайняя мера была необходима для спасения больных цингой.

В одном из писем Невельской распорядился, советуя хозяйничавшему там Петрову (Бошняк был в очередной командировке): «Строго прикажите фельдшеру, чтобы об опасных больных он каждую почту через Вас уведомлял доктора, то есть чем лечит? Какой ход болезни? Какую употребляет пищу?» Далее Невельской предложил подробный расчет пайка на каждого до мая, при этом строго наказав: «Смотрите за этим хорошенько, и чтобы ни фунтика без Вас не смели брать. Что делать? Мы, собственно, и сами здесь солонину кушаем... У нас есть гороховая мука — есть ли у Вас? Если нет, то напишите, пришлю». Экспедиция не имела ни грамма таких необходимых при цинге лекарств, как укус и спирт.

Но жизнь есть жизнь. Жители поселка радовались, когда появлялись на свет дети, так сказать, коренные петровцы: в самое трудное время, в январе и в феврале, сначала у фельдшера Шишерина родилась дочка, а затем у матроса Кошкарева — сын. Появились человеческие радости — заботы, подарки, крестины. Ближе к весне начались заботы об огородах, и не только для русских, но и для местных жителей. Невельской советовал кроме картошки, редиски и капусты с репой сажать в виде опыта еще овес, ячмень, ядрицу. А в Пасху делили одно яйцо на двоих и пили по чарке рисовой водки, вымененной у местных жителей.

Обращает на себя внимание тот факт, что перед Пасхой Невельской приказал Петрову, чтобы тот, несмотря на скудный пасхальный рацион, разделил его вместе с местными жителями. Еще он писал, чтобы Петров оповестил всех нивхов, живших недалеко от Николаевского поста, «не пожелают ли они быть при богослужении и после него на чае, а потом, в 12 часов дня, на обеде». Невельской еще раз подчеркнул, что местные жители «должны обедать вместе с нашими людьми, перед обедом дать командам по чарке водки, а если возможно, то до пятнадцати чарок разделить на нивхов, пить за здоровье государя императора и при этом сделать салют из всех имеющихся у Вас орудий».

За празднованиями и житейскими делами не забывали о делах государственных. Потому сразу за Новым годом начались очередные и внеочередные, вызванные необходимостью, поездки по краю. Невельской давно готовил экспедицию в залив Хаджи, о котором было известно от местных жителей как о большом, способном вместить сразу много кораблей, укрытом от всех ветров. Поэтому Разградский с Березиным

отправились по Амуру, чтобы в определенном месте заготовить продовольствие для экспедиции Бошняка в залив Хаджи. Разградский возвратился в начале февраля, а Березин остался сделать все приготовления, необходимые для основания там поста. С 17 января по 6 февраля ездил в Приамгуньский край А. И. Петров. К сожалению, долго болели и не могли сразу включиться в исследования Воронин и Орлов, болел и командир «Кадыка» Шарыпов. Доктору Орлову и фельдшеру Шишерину работы хватало...

Ну, а затем наступила очередь Бошняка. 15 февраля 1853 года Бошняк начал свою третью поездку-плавание. Первые две дали важные результаты. Впервые был описан путь по Амуру и Амгуни до озер. В путешествии по Сахалину впервые пересекли остров по направлению реки Тымь, открыли каменный уголь, узнали о пребывании на острове в недавнем времени русских людей и о том, что они время от времени появляются на Сахалине. Все это было настолько важно, что Невельский немедленно сообщал об открытиях Бошняка в Петербург. Этому своему самому активному офицеру и талантливому исследователю Невельской поручил и поход к неизвестному заливу, лежащему к югу от лимана Амура, от пролива Невельского, где-то на побережье Татарского пролива. Николай Константинович выбрал себе в спутники горного мастера Ивана Блинникова, казаков Семена Парфентьева и Кира Белохвостова, а также якута Ивана Мосеева, знакомого с языком орочей, которые, по словам местных жителей, живут в нескольких местах на побережье залива Хаджи.

Наезженный путь по Амуру был пройден без каких-либо происшествий. В Кизи им сказали, что все имущество сохраняется до приезда офицера, который будет строить здесь пост. Когда путешественники прибыли на берег залива Нангмар (Чихачева), то были встречены Березиным, заканчивавшим постройку небольшого домика для поста. Он же подобрал нивхскую лодку, которую Бошняк укрепил, поднял ее борта, чтобы не заливало во время плавания, и еще раз просмолил.

Затем, собрав местных жителей, Бошняк поднял на поставленном флагштоке русский флаг, а старейшине селения передал Лист, написанный на русском и французском языках, подписанный Невельским. В том Листе говорилось, что все побережье от сего места и до берегов Кореи является русским, что жителей этих мест русский император берет под свое покровительство. Бошняк наказал старейшине, чтобы он показывал Лист капитану всякого приходившего в залив судна или военного корабля.

Покончив с официальным поручением Невельского и оставив в посту, названном Александровским, Березина, Бошняк со спутниками тронулись в плавание. Пока они шли по заливу, все было хорошо, но как только стали поворачивать за мыс, чтобы выйти в Татарский пролив, плоскодонную лодку начало так быстро заливать, что стало ясно — кому-то необходимо остаться и снять часть груза. Все это решили на перешейке: остался Иван Блинников, который налегке отправился к Березину, а затем они вдвоем перенесли груз в Александровский пост.

После разгрузки лодка вела себя нормально, теперь плавание на ней вблизи берега не представляло опасности. Небольшой косой парус двигал лодку, которой управляли короткими лопастями-веслами, с их же помощью продвигались при безветрии. Бошняк все внимание уделял описи берега, а в местах стоянок — определению глубин, особенно в устьях ручейков, рек и речушек. Не упускал он и возможности поговорить с местными жителями. Во всяком случае, записки Бошняка, опубликованные впоследствии в журнале «Морской сборник», говорят о незаурядном таланте этого молодого человека, его пытливости и научной наблюдательности.

Продолжая плавание вдоль берега, огибая все мысы, заходя во все заливы, Бошняк подошел к узкому перешейку, за которым было видно большое пространство воды. Перетасив лодку через перешеек, исследователи оказались в огромном озере, в берега которого с разных сторон врезались широкие и узкие заливы и заливчики. Оно было спокойным. Позже выяснилось, что путешественники совсем немного не дошли до входа в залив, тот самый, который местные жители называли заливом Хаджи или Большим. Случилось это 23 мая 1853 года. Путешественники пробыли тут неделю, подробно его описали, дали названия мысам и заливам, повстречались с местными жителями, а перед уходом поставили крест на мысе Анастасии, недалеко от выхода в Татарский пролив. На кресте вырезали надпись, гласящую, что эта гавань открыта лейтенантом Бошняком со спутниками казаками Семенов Парфентьевым, Киrom Белохвостовым и амгуньским крестьянином Иваном Мосеевым и названа Гаванью Императора Николая I. Обратный путь был намного легче, хотя и окончились запасы продовольствия. Александровский и основанный А. И. Петровым на берегу озера Кизи в селении Кэтово Мариинский пост были пусты, хотя продукты остались на месте. Здешние старейшины ответственно относились к доверию русских, поэтому на обоих постах все было в порядке.

Когда 25 июля путешественники прибыли в Николаевский пост, сразу кое-что прояснилось. На них посыпался град новостей: о начавшейся войне, позже получившей название Крымской, о плавании Невельского на «Байкале» вокруг Сахалина, об укреплении русских позиций на Сахалине. Подробности стали известны в Петровском от гостеприимной Екатерины Ивановны и Дмитрия Ивановича. Коротко они сводились к следующему: в середине мая пришло известие от великого князя Константина о готовящихся американских экспедициях в воды Японии. Это известие потребовало провести соответствующие мероприятия. Невельской отправил в залив Чихачева Григория Даниловича Разградского, которому приказал постоянно держать в Александровском посту русский флаг. Если потребуется, то с достоинством встретить американцев, объявив им о принадлежности этих мест России.

Вскоре пришло предписание Н. Н. Муравьева: выставить в нескольких местах южного Сахалина русские посты, официально там обосноваться, укрепиться и исследовать Южный Сахалин. Муравьев сообщал, что для исполнения сахалинской операции им назначен майор Николай Вильгельмович Буссе. Невельской рассчитал правильно, он предвидел, что операция может затянуться. Буссе должен был из Аяна направиться в Петропавловск, для того чтобы отобрать команду для постов на Южном Сахалине, затем доставить их в Аян или Петровское, где уже окончательно сформировать так называемый Сахалинский десант.

Тем временем в Петровское прибыл его «Байкал», который наконец-то доставил продовольствие и некоторое снаряжение, десятисельный катер, байдару и девятнадцать казаков. Невельской действовал быстро. «Байкал», разгрузившись и снова загрузившись всем необходимым для разведочного похода, отправился в плавание вокруг Сахалина. По пути с него тщательно осматривали южную часть острова, особенно залив Анива. Нашли, что для основания поста подходит бухта Лососей. Затем Невельской направился в Императорскую гавань, которую ему просто не терпелось осмотреть. Она поразила его своим величием. В одном удобном заливе этой гавани, Константиновском, Невельской выставил пост, назвав его также Константиновским. Он оставил в нем десять казаков во главе с урядником Дмитрием Хороших и направился в Александровский пост, откуда отправил «Байкал» обратно под командой поручика Семенова. Поручику было приказано выставить в устье реки Кусуннай Ильинский пост из шести казаков во главе с Д. И. Орловым, что и было в точности исполнено 17 августа 1853 года.

Из Александровского поста Невельской возвращался в Петровское внутренними путями. На озере Кизи он с удовольствием наблюдал, как в основанном им Мариинском посту распоряжался мичман Александр Иванович Петров. А дома, в Петровском, его ждала радостная и долгожданная весть: Амурская экспедиция выходила из подчинения Российско-Американской компании, утверждался ее штат (два лейтенанта, два мичмана, два штурманских офицера, один артиллерийский офицер, 240 старшин и матросов, сотня казаков с двумя офицерами, взвод горной артиллерии с двумя офицерами, доктор, священник, правитель канцелярии с помощником, три писаря, содержатель имущества, два фельдшера), экспедиция теперь подчинялась только генерал-губернатору, а Невельской получал права областного начальника.

И еще была одна новость: в конце июля в Петровское на китобойном судне «Суоми» прибыл официально назначенный помощником Невельского, то есть помощником начальника Амурской экспедиции капитан-лейтенант Александр Васильевич Бачманов. С ним приехал священник, уже побывавший прошлым летом в Петровском, — Гавриил Иванович Вениаминов. Совсем неожиданно к радости Екатерины Ивановны в числе прибывших были и их супруги: Елизавета Осиповна Бачманова и Екатерина Ивановна Вениаминова. На буксире у «Суоми» находился катер «Надежда» водоизмещением 300 пудов, снабженный десятисилльной паровой машиной.

Снова наступила горячая пора: ожидалась эскадра Е. В. Путятина во главе с фрегатом «Паллада», отправленная из Кронштадта. Вновь прибывших требовалось разместить, перевезти продовольствие и снаряжение из Петровского в Николаевск, дожидаясь Сахалинский десант из Петропавловска и подготовиться к важнейшему мероприятию — экспедиции на Сахалин. 26 августа на транспорте «Николай I» на рейд Петровского был доставлен Сахалинский десант во главе с Н. В. Буссе и лейтенантом Николаем Васильевичем Рудановским, добровольно пожелавшим перейти в Амурскую экспедицию из Камчатской флотилии. Вроде все было готово, время давно поджимало, но тут оказалось, что привезенного из Петропавловска продовольствия для расширяющегося состава экспедиции недостаточно. По неопытности Буссе поверил Кашеварову и властям в Петропавловске. Пришлось Невельскому снова воевать с Кашеваровым, буквально выбивая самое необходимое.

К 6 сентября с приходом «Иртыша» на рейде Петровского оказались сразу три корабля. Кроме него, здесь стояли «Байкал» и «Николай I». В экспедицию решили идти на «Николае I». Кроме Невельского и

командира транспорта Мартина Клинковстрема, из офицеров участвовали Н. В. Буссе, Н. В. Рудановский, а также лейтенант Н. К. Бошняк, который назначался начальником Константиновского поста в Императорской гавани. Поход вокруг Сахалина прошел вполне благополучно, и 22—23 сентября в заливе Анива, примерно на том месте, которое было избрано во время рекогносцировки Невельским, высадились 59 матросов и казаков и восемь вольнонаемных поселенцев. Место оказалось весьма удачным, так как поблизости находились жилища местных жителей. Начальником поста стал Буссе, его помощником — Рудановский, который, впрочем, всецело занимался исследовательскими работами, совершая непрерывные путешествия по южной части острова.

На том же транспорте Невельской заходил затем в Императорскую гавань и в залив Чихачева, откуда, как обычно, внутренними путями вернулся в Петровское. Бошняк во главе двенадцати казаков остался начальником Константиновского поста в Императорской гавани. Дом для них был уже готов, заканчивалась постройка небольшого офицерского флигеля. Вскоре положение поста изменилось. Сюда пришел транспорт «Иртыш», командир которого Петр Федорович Гаврилов не решился в такое позднее осеннее время на дальний переход в Петропавловск. К тому же, как выяснилось, у него было много больных, а сам транспорт находился в неисправном состоянии. Затем произошло совсем неожиданное событие: в Императорской гавани появился транспорт «Николай I», командир которого М. Клинковстрем также не отважился идти в Русскую Америку в Ново-Архангельск. В результате вместо двенадцати человек в пустынном и весьма удаленном месте их скопилось около сотни. При этом команда «Иртыша» была плохо обеспечена продовольствием.

В Александровском посту Невельской узнал от Разградского, что в Татарский пролив пришла шхуна «Восток» под командованием Воина Андреевича Римского-Корсакова⁸. Она находилась в составе эскадры вице-адмирала Ефимия Васильевича Путятина, который приказал командиру и офицерам описать западное побережье Сахалина и «войти в сношение с начальником Амурской экспедиции капитаном 1-го ранга Невельским».

Дома, в Петровском, где его заждались семья, Геннадий Иванович оказался лишь в середине октября. Екатерина Ивановна радостно встретила скитальца. Она рассказывала мужу о своем и Катином здоровье, о происшествиях в Петровском и в округе, об огородных успехах и

неудачах, демонстрировала свое знание нивхского языка, с явным удовольствием показывала одетую в русский сарафан постоянно моющаяся миловидную Сакони, крепко подружившуюся с ней и особенно с Авдотьей. В Петровском умело распоряжался Бачманов, был готов еше один дом, строились следующие.

Катя рассказала мужу о визите в Петровское шхуны «Восток», ставшей первым в истории судном, вошедшим в устье Амура из Японского моря проливом Невельского. У южного входного мыса в Амур — мыса Пронге — шхуна встала на якорь, и Николай Матвеевич Чихачев, снова оказавшийся в знакомых местах в качестве старшего помощника командира, сходил на шлюпке в Николаевск. Затем Римский-Корсаков побывал в Петровском. К сожалению, встретиться с Невельским ему не удалось, в это время тот был в Сахалинском походе. Вот что записал в дневнике Римский-Корсаков о Екатерине Ивановне: «Два года тому назад, тотчас после свадьбы, из круга родных она приехала в это захоластье вместе с Невельским, который в ту пору только что положил основание зимовью. Конечно, надобно иметь сильную любовь к мужу, чтобы с хорошим воспитанием, привыкнув к обществу и развлечениям, не скучать и не унывать в такой унылой безжизненной местности, при лишениях самых существенных, потому что в первое время, покуда еще неустроено было чтобы американско-компанейские суда заходили сюда ежегодно — снабжать поселенцев всякими съестными и бакалейными припасами, чета Невельских могла позволить себе одну только роскошь: чай и сахар — да и то не расточительно, а в остальном можно было рассчитывать только на казенную морскую провизию, доставленную из Камчатки, да на рыбу и дичь. При этой скудности жизни Невельскому довольно часто приходилось разъезжать, и его мадам в это время оставалась одна — прислушиваться к шуму Охотского моря, вечно плещущего на низменный берег так называемой Петровской кошки, саженях в ста за ее домом, да собирать бруснику в кустах тощего кедровника — единственного произрастания на этом унылом песчаном берегу. И несмотря на то, двадцатилетняя барынька не изнывала и не соскучилась, развела огород, занимается хозяйством, солит грибы, мочит бруснику и коптит рыбу, вошла во вкус занятий своего мужа, усердно сочувствует его успехам и надеждам, так же как и он увлекается Амуром и Сахалином, и я поддразнивая ее на эту тему, очень весело с ней проболтал те немногие часы вечера и утра, которые я провел в Петровском».

К рассказу Римского-Корсакова прибавим немного слов Н. К. Бошняка, рассказывавшего в Костроме М. С. Угличаниновой о том, каким светлым и согревающим лучом была для всех них Екатерина Ивановна; как освещал и согревал этот луч тех гиляков, в среду которых забросила ее судьба, и где она провела много лет, терпя нужду, голод и холод. Он рассказывал, как она изучала их язык, чтобы пролить свет в их закоснелые сердца, как она ласкала и делилась с этими дикарями последним куском, желая снискать их доверие и любовь к мужу, которому они были так необходимы в его изысканиях.

Из всего многообразия почты Невельских больше всего обрадовало известие о прибытии в Аян Катиного брата Николая, который пользовался гостеприимством семьи Кашеваровых. К сожалению, я не нашел ни одного письма от брата к сестре, так же как не располагаю ни одним письмом супругов Невельских друг к другу. Но ведь так не должно быть. Известно, что Екатерина Ивановна о многом и многом писала сестре Саше и брату Николаю. Знаем мы и о том, что после смерти брата Екатерина Ивановна беспокоилась о судьбе своих писем к нему и просила дядю Николая Матвеевича Ельчанинова возратить их ей. Несколько десятков лет я посвятил изучению истории Амурской экспедиции, но ни разу не читал этих писем, за исключением нескольких — к дяде.

В письмах Муравьева говорилось о возможном разрыве дипломатических отношений между Россией, Англией и Францией, о войне с Турцией, что, вполне возможно, война захватит и Дальний Восток, и поэтому правительство принимает меры. Муравьев недвусмысленно намекал, чтобы Невельский ускорил строительство жилых домов, так как весной 1854 года на устье Амура, вообще на Дальний Восток ожидается прибытие войск. Сообщалось также, что сюда отправится фрегат «Аврора». Следующая почта подтвердила известия о том, что весной состоится первое русское плавание по Амуру, что в Среднем строится пароход «Амгунь» и большая флотилия лодок, баркасов, сплавных средств.

Между тем наступила очередная зима, а с ней вновь пришла цинга. Первые больные появились вначале в Петровском, затем — в Николаевском. Весной цинга разгулялась в Константиновском посту: в команде Бошняка умерли двое, самые большие потери были в команде «Иргыша», гораздо меньшие жертвы имелись среди экипажа «Николая I». А всего в Императорской гавани от цинги умерли 29 человек. По сей день стоит, напоминая об этой трагедии, памятник-часовня в бухте Постовой. В Муравьевском посту на Сахалине цинга

тоже была, но здесь скончался только один матрос, остальных уда-
лось выходить. Пост находился в самых лучших условиях, был снаб-
жен намного полнее, чем команды других поселений.

За всю историю Амурской экспедиции зима с 1853 на 1854 год была
самой холодной и самой жестокой. Хотя с продовольствием по срав-
нению с прошлой зимой было лучше, но недоставало свежих продук-
тов. Не случайно Екатерина Ивановна почти в каждом письме в Нико-
лаевск, где были коровы, просила прислать для дочки хотя бы буты-
лочку молока. Не сохранилось свидетельств того, как встречали
Новый год. Скорее всего были соблюдены уже сложившиеся тради-
ции. Всех объединяло одно желание — выстоять, победить холод и
болезни. И не только выстоять, но и быть готовыми отразить нападе-
ние англо-французов, а также встретить амурский сплав. В январе 1854
года Муравьев сообщил Невельскому, чтобы тот ждал его и сплав в
районе озера Кизи между 20 и 25 мая.

А что же происходило в Петровском у Невельских? 2 апреля 1854
года Екатерина Ивановна родила вторую дочку, которую назвали
Ольгой, а 20 апреля Невельской получил приказание встречать
Муравьева со сплавом в конце мая у Кизи. Что было ему делать? Боле-
ла старшая дочь Катенька, ей становилось все хуже, тяжело страдала
после родов и сама Екатерина Ивановна, нуждалась в заботе ново-
рожденная. Не мог Невельской в такое время и в таком положении оста-
вить семью. Но и без него нельзя было обойтись в Маринском, куда
прибывал Муравьев.

После Пасхи Невельской отправил встречать ожидаемый сплав
Разградского, сообщив в письме Муравьеву, что сам он прибудет в
начале мая. Расставание Геннадия Ивановича с семьей было тяжелым,
хотя Екатерина Ивановна и просила его не беспокоиться и свято ис-
полнять свой долг. Не знал Геннадий Иванович, что в последний раз
берет на руки крошку Катюшу, последний раз щекочет усами детские
щечки, чтобы немного развеселить ее и своих домочадцев. За себя он
оставлял А. В. Бачманова. Тяжелое положение скрашивалось неведомо
откуда потянувшимися надеждами на скорое возвращение семьи
Невельских с Амура. Об этом, со слов Екатерины Ивановны, писали
друг другу родственники, дяди из Смоленска и Курска. Можно думать,
что речь шла об отпуске, который вполне возможно обещал Геннадию
Ивановичу Муравьев.

Между тем Разградский с 9 мая ждал окончания ледохода в Мари-
инском. Здесь его застал Невельской, прибывший 15 мая. Они вместе

двигались по Амуру навстречу долгожданному гостю — генерал-губернатору. Поднялись они на 500 верст, миновали устье реки Хунгари. Здесь их догнал нарочный, доставивший депешу от Римского-Корсакого, в которой говорилось о прибытии в Императорскую гавань эскадры Е. В. Путятина и о приходе в залив Де-Кастри двух транспортов с Камчатки. Здесь же ясно говорилось о начавшейся войне России с Англией и Францией. Обстоятельства требовали присутствия Невельского на устье Амура. Оставив Разградского встречать сплав и Муравьева, он срочно возвратился в Мариинское, а уже 11 июня появился в Де-Кастри, где стояла целая флотилия: транспорты «Иртыш», «Двина», «Байкал» и шхуна «Восток». Наконец-то состоялась его встреча с Римским-Корсаковым, были решены вопросы с Путятиным, взяты его письма для Муравьева. Невельской снова заспешил на Амур, надеясь не опоздать в Мариинск к прибытию Муравьева.

Их встреча произошла в семи верстах от Мариинского поста. О чем они разговаривали — это никогда не станет известно. Главным решением было сосредоточить все силы на устье Амура и настаивать об этом же перед Путятиным, ожидавшим Муравьева на «Палладе» в Императорской гавани. Туда Муравьев и пошел на шхуне «Восток». Здесь же был и Невельской. Встреча, состоявшаяся 22—23 июня, стала важной, так как на ней было принято предложение Невельского укрепиться в устье Амура, ввести туда «Палладу», усилить Александровский пост, которым стал командовать лейтенант Яков Иванович Купреянов. Путятин сообщил о том, что он снял Константиновский и Муравьевский посты. Встреча Невельского со своим верным помощником Бошняком была скорее печальной. Муравьев предоставил Бошняку после такой трагической зимовки отпуск с выездом на родину. Принято было еще одно очень важное решение: всеми мерами оборонять Петропавловск, куда отправить прибывший корвет «Оливуца».

Теперь Невельскому можно было возвращаться к себе. Он отправился в Мариинский пост, намереваясь сделать все необходимые распоряжения. В Мариинском его ждало страшное письмо, пришедшее из Петровского от доктора Евгения Григорьевича Орлова (автору удалось разыскать его в архивах). Вот оно: «Первое письмо к Вам я должен начать с огорчительным и печальным известием для Вашего сердца: по отъезде Вашего из Петровского припадки задушения у Вашей старшей дочери начали делаться чаще и чаще и наконец 12 мая припадок продолжался более четырех часов, в котором она нечувствительно перешла в иной, лучший мир. Это горестное событие не могло не

подействовать на состояние Екатерины Ивановны. Конечно, для матери горестна потеря первородной дочери, и тем более тяжела эта утрата потому, что можно было надеяться на дальнейшее продолжение жизни, так как Екатерина Геннадьевна благополучно кончила первый год своей жизни, самый опаснейший в период детства, но Екатерина Ивановна уже через меру предалась своей горести и никакие убеждения не могли ослабить эту печаль матеряного сердца. От этого вначале появилось лихорадочное состояние, затем начала увеличиваться опухоль груди, сопровождаемая сильною болью; образовалось несколько нарывов, которые прорвались и отделяют значительное количество материи.

При постоянной лихорадке кормление малолетки сильно беспокоило и значительно ослабляло Екатерину Ивановну, потому в настоящее время вроде кормилицы взята жена Мартына Красовского, как здоровая женщина и способная к этой обязанности. Из этого Геннадий Иванович, Вы можете усмотреть, что состояние здоровья Вашей супруги не очень утешительно: опухоль груди еще весьма значительна, в ней находится около пяти отверстий, через которые отделяется материя в настоящее время довольно умеренно; общая слабость; при этом появился кашель, который усиливает боль в страждущей половине, так как грудь приходит в сотрясение во время приступа; недостаток аппетита, сухость во рту и жажда — вообще лихорадочное состояние: вот общий очерк болезни Екатерины Ивановны». Под письмом стояли подпись доктора и дата — 7 июня.

Невельской бросил все и на байдарке буквально летел в Петровское — он очень боялся за жену. К счастью, все обошлось: «Жену я застал едва оправившейся от этой потери и тяжкой болезни. Тяжело было нам, родителям, видеть могилу нашей малютки на пустынной Петровской кошке! Тяжко было испытание это нам, и без того отрезанным пустыней от всего света, но, что делать, — это жертва, тяжкая для нас, была данью исполнения долга, направленного к благу Отечества».

Тяжелое бремя Екатерины Ивановны в эти мрачные и черные дни разделяли, кто как мог: Орлов, Бачманов, Вениаминов с супругами, да доктор Евгений Орлов не оставлял ее одну. К счастью, в Петровское с первым компанейским судном из Аяна прибыл любимый братец Николай, которого Катя видела редко и помалу.

Беда не приходит одна. Сначала Владимир Николаевич, а затем и Николай Матвеевич сообщили о несчастье, случившемся со вторым мужем Марии Николаевны — матери Екатерины Ивановны — он

заболел душевным расстройством. Затем пришло печальное известие из Курска о смерти Владимира Николаевича Зарина, в какой-то мере заменившего Кате, Саше, Вере и Николаю рано умершего отца. Но то было все-таки далеко, да и годы у них были уже почтенные, а тут...

Так уж получилось, что в связи с военным положением на первом плане на Дальнем Востоке выдвигались Камчатка, устье Амура, а также побережье Татарского пролива от лимана к югу до Императорской гавани. Петровское оставалось в стороне от активных действий. Особенно это ощущалось летом 1854 года. Вот и сейчас, несмотря на тяжелые для семьи дни, обстановка требовала того, чтобы Невельской находился в Николаевске или в Мариинском посту. Из Петровского управлять экспедицией и всеми прибывшими и прибывающими войсками на устье Амура становилось невозможным. К этим соображениям прибавился опыт прожитых там лет, когда во время штормов кошку затопляло, а зимой заносило дома до крыш. Невельской доложил свои соображения на сей счет Муравьеву. Он предлагал разместить центральный штаб в Николаевске-на-Амуре, а Петровское сохранить в качестве передового поста экспедиции со стороны Охотского моря и перевалочного пункта для судов, следующих из Аяна и Петропавловска на Амур.

Едва выехав в Николаевск, Невельской узнал, что шхуна «Восток», на которой находился генерал-губернатор, направилась через лиман прямо в Петровское. Ему срочно пришлось возвращаться назад. Шхуна появилась на рейде рано утром 2 июля. Встречали генерал-губернатора салютом из четырех пушек с «Охотска». Чрезвычайное происшествие омрачило вступление Муравьева на Петровскую землю. На шхуне «Восток» из Императорской гавани прибыл измученный трагической зимовкой лейтенант Бошняк с постоянными спутниками во всех его путешествиях казаками Кириллом Белохвостовым и Семеном Парфентьевым. Не дожидаясь, когда рассеется густой туман, они втроем рискнули на байдарке добраться до Петровского. Не суждено было казакам повидать своих товарищей: байдарку буруном перевернуло и всех потащило вглубь залива. Парфентьев и Белохвостов плавать не умели, они вскоре исчезли в волнах. А Бошняку удалось выбраться на берег. Долго смотрел он на воду, бегал вдоль берега, надеясь, что свершится чудо, и верных его помощников, которые с разрешения Муравьева ехали вместе с ним в отпуск, выкинет бурун. Но чуда не произошло. После грустной встречи с Екатериной Ивановной и друзьями Бошняк ожидал оказии в Аян, чтобы целый год затем не видеть

Дальнего Востока, гостить в родных и дорогих местах — Нерехте, Костроме, Дорожаеве, Никольском и, конечно, в своем Ушакове.

Когда Николай Николаевич Муравьев появился в доме Невельских, то он, в нарушение этикета, крепко расцеловал хозяйку Петровского. Генерал-губернатор в присутствии всех офицеров произнес длинную речь, в которой искренне восхищался ее мужеством и стойкостью.

Из Николаевска на пароходе «Аргунь» со сплавом прибыли М. С. Корсаков и П. В. Казакевич. Это был первый пароход, прошедший по всему Амуру от Усть-Стрелки до Николаевска-на-Амуре. С момента этого плавания «Аргуни» началась история Амурского речного пароходства. Первым распоряжением Муравьева был приказ отправить в Аян шхуну «Восток», на которой находились Бошняк и Корсаков, везший бумаги в Иркутск и далее в Петербург. Сам же Муравьев в сопровождении Невельского, Казакевича и своей свиты верхом поехал в Николаевск. Таким образом, вопрос о переносе «столицы» Амурской экспедиции из Петровского в Николаевск решился сам собой.

После прибытия 7 июля 1854 года в Николаевск-на-Амуре, генерал-губернатор осмотрел ведущееся здесь строительство и остался всем доволен. Он хвалил А. И. Петрова, оставшегося начальником поста вместо уехавшего Бошняка. Невельской разрешил желающим строиться, обзаводиться собственными домами и огородами. Петров одним из первых выстроил себе дом, поставили дома лейтенант М. Бирилев, поручик А. Воронин на паях со штурманом Л. Поповым. Петров возвел и отдельный дом для семейства Невельских. К осени этого года в Николаевске насчитывалось уже двадцать две постройки, в числе которых имелись девять жилых домов для офицеров и команд, магазин для провианта, лазарет, кухня, часовня и мастерская. Сооружался также большой по местным масштабам дом для ученых Академии наук (Л. И. Шренка, В. С. Поливанова и М. Фурмана), которые прибыли сюда для исследовательских работ из Кронштадта на фрегате «Диана».

В эти же дни состоялась вторая встреча Муравьева и Путятина, на которой обсуждалась оборона Дальнего Востока. По распоряжению Путятина сняли Муравьевский пост на Сахалине, строения которого перевезли в Императорскую гавань. Здесьшний Константиновский пост также был снят. Фрегат «Палладу» долго пытались ввести в устье Амура в Николаевск, но сделать этого так и не удалось. Тогда было решено, предварительно разоружив фрегат, оставить зимовать его в бухте Постовой возле Константиновского поста

в Императорской гавани под наблюдением нескольких матросов и казаков под командованием поручика корпуса флотских штурманов Дмитрия Семеновича Кузнецова.

Этой же осенью были приняты важные решения, судьбоносные для Приамурья. Пришедшее со сплавом подкрепление частью отправили в Петропавловск, частью оставили в Мариинском посту. Считалось, что, не найдя путей в лиман и устье Амура, неприятельские корабли (они не знали Южного хода) будут искать русских по всему побережью и, естественно, в первую очередь в Петропавловске, Аяне и в Александровском посту (в заливе Чихачева). От последнего до Мариинского было рукой подать. В Николаевск из Аяна прибыла шхуна «Восток». Этим немедленно воспользовался Муравьев и на ней перешел в Петровское, где провел несколько суток в обществе Невельских. Геннадий Иванович получил от него наставления, кажется, на все случаи жизни. Как раз в эти же дни Невельского ожидал очень приятный сюрприз. Его любимый «Байкал» под командованием Никиты Ильича Шарыпова впервые прошел из Японского моря в Охотское по лиману Амура под парусами. Сам Муравьев обнял и расцеловал скромного, но опытного капитана. Через пару дней на «Байкале» Муравьев ушел в Аян. Воину Андреевичу Римскому-Корсакову он приказал идти в Петропавловск на «Востоке» и доставить туда срочные депеши камчатскому военному губернатору В. С. Завойко. Затем, вернувшись в Петровское, перевезти поселенцев во главе с семьей Невельских в Николаевск. В Петровском оставался небольшой караул во главе с Дмитрием Ивановичем Орловым, при котором находилась и его семья.

В Смоленском областном архиве мне удалось обнаружить письмо Екатерины Ивановны Невельской своему дяде Николаю Матвеевичу Ельчанинову, которое она отправила с «Байкалом» 15 августа 1854 года. В нем кроме приветов и слов благодарности за все сделанное для нее и брата Николая она сообщает о планах на будущий год, когда должен был закончиться пятилетний срок службы Геннадия Ивановича в этих местах. За нее ему полагалась пенсия в тысячу рублей серебром ежегодно, и «мы надеемся, обеспечив себя таким образом, выехать летом, если не навсегда из этого отдаленного края, то по крайней мере в отпуск на целый год, чтобы повидаться со всеми нашими родными, и потому я надеюсь иметь случай на будущий год свидеться с Вами, почтенный и добрый дядюшка, и познакомиться поближе с милой кузиной моей, которую до тех пор я крепко целую»⁹.

После ухода «Байкала» и «Востока» в Петровском активно начали готовиться к перебазированию в Николаевск, подготовились полностью и ждали к концу августа возвращения «Востока» из Петропавловска. Но когда прошли все сроки, стало ясно, что со шхуной что-то произошло. Время шло к осени, самому опасному периоду для плавания. Невельской решил перебраться в Николаевск своими средствами, поручив всю сложную операцию А. В. Бачманову. Семье Невельских выделили шлюпку и вельбот, прочие громоздкие вещи и мебель переправляли на баркасах. Путь им предстоял нелегкий и неблизкий. Нужно было пройти по Сахалинскому заливу до лимана, затем обогнуть высокий левый входной мыс Табах, это уже в лимане, где на мелководье всегда поднимается высокая и крутая волна. И только потом, выйдя в устье Амура, можно было подняться по нему до Николаевска. Отправившись из Петровского 28 августа, Невельские только к вечеру 1 сентября оказались в Николаевске.

Не обошлось без приключений, в которых Екатерина Ивановна была, как всегда, на высоте положения. Случилось это в лимане. На пологой волне в Сахалинском заливе шлюпки, подгоняемые попутным ветром, благополучно продвигались вдоль берега, давая возможность пассажирам любоваться берегом и ласковым морем. Но как только стали входить в лиман, особенно в те места, где уже чувствуется амурское течение, так сразу началось сильная непредсказуемая качка. Ветер наступал порывами, шквалами с разных направлений; шлюпки креноло, заливало водой, разворачивало; на них перестали пользоваться парусом, налегая на весла.

Наступило время принятия решения, ибо шлюпки зачерпнули столько воды, что при сильном ветре могли перевернуться. И Невельской распорядился немедленно идти к берегу, к видневшемуся невдалеке селению Пуир. Опытные матросы навалились на весла и сумели благополучно дотянуть до берега. Вскоре путешественники оказались у гостеприимных местных жителей, где обсушились, обогрелись и хорошо отдохнули до утра. При сборе и осмотре вещей выяснилось, что многие из них, а главное документы и деньги — сто тысяч рублей ассигнациями, оставленные Муравьевым на нужды экспедиции, оказались основательно подмочены. Пришлось все срочно раскладывать, развешивать для просушки, перебирать каждую бумажку. На все это ушло двое суток. Вот так и получилось, что лишь к вечеру 1 сентября удалось добраться до

Николаевска, где их с тревогой ожидал Петров, уже собиравшийся выходить навстречу.

Исполнительный А. И. Петров сильно переживал о том, что не сумел к их приезду завершить строительство дома: очень много у него появилось забот и обязанностей. Население все прибывало, только один экипаж фрегата «Паллада» насчитывал 380 человек. Всех их надо было разместить. С прибытием Невельского Петрову стало значительно легче. Поначалу Невельские разместились у начальника поста, то есть у Петрова, отстроившего собственный дом. В середине сентября домик Невельских был готов, и семья с радостью встретила новоселье. Это был второй дом на Амуре, который пришлось обживать Екатерине Ивановне. С радостью помогали ей женщины, в частности Елизавета Осиповна Бачманова, раньше переехавшая в Николаевск.

От В. А. Римского-Корсакова, ушедшего на шхуне «Восток» на Камчатку, вестей все еще не было. Только в конце октября он появился в Николаевске и сообщил известия чрезвычайной важности. «Восток» появился, как рассказал командир, у входа в Авачинскую губу как раз в то время, когда там находилась англо-французская эскадра. Узнал он об этом от командира бота № 1 Харитона Ивановича Новограбленного, на счастье встреченного на подходе к Авачинской губе. Ничуть не сомневаясь в храбрости Римского-Корсакова, его офицеров и команды, нельзя не восхищаться их дисциплинированностью и верности долгу. Ему было приказано любым путем передать срочные правительственные депеши (от Муравьева) губернатору Камчатки. Ввязавшись же в бой с превосходящими силами противника, Римский-Корсаков namного осложнил бы исполнение порученной ему миссии, а при определенных обстоятельствах мог вообще не выполнить задания.

Поэтому командир «Востока» немедленно развернулся и под берегом полным ходом пошел на юг, обогнул Камчатку, придя к Большерецку. Отсюда сухим путем специальным нарочным он переправил депеши в Петропавловск, лично В. С. Завойко. От него получил известие о славной победе, одержанной защитниками гарнизона Петропавловска над англо-французами. С такой приятной вестью с разрешения Завойко он вернулся в Петровское, где оставил шхуну, а сам направился в Николаевск. Радость эту Невельской сообщил всем офицерам и нижним чинам, построив 22 октября гарнизон на площадке у флагштока. После прочтения текста донесения был отслужен молебен,

команда трижды прокричала «Ура!» во славу русского воинства, добившегося победы на далекой Камчатке над превосходящим неприятелем.

Но случилось так, что после победы в Петропавловском сражении отношения между Муравьевым и Невельским обострились. Они и раньше имели разные точки зрения на оборону Дальнего Востока. Муравьев все свои помыслы обращал на Камчатку, имея в виду, конечно, и Русскую Америку. Невельской рассуждал более узко, полагая, что следует все внимание сконцентрировать исключительно на защите Амура. Он любил повторять, что Камчатка без Амура — мыльный пузырь. Невельской мечтал о том, что русские обретут покой на Амуре, найдут путь к южным гаваням, вернут влияние на Сахалине. Тогда Невельской победил, так как его поддерживал великий князь Константин. К сожалению, осуществление всех планов Невельского имело печальные последствия для страны — утрату Русской Америки, не говоря уже о его личной судьбе... Но об этом чуть позже.

Осенью и зимой 1854—1855 годов забот у Невельского стало так много, что задачи Амурской экспедиции по исследованию края вытеснили повседневные заботы, связанные с обороной Дальнего Востока. Екатерина Ивановна тоже была вся в хлопотах. Жена начальника экспедиции сумела поставить дело так, что офицеры чаще собирались у нее, чем у немногих других дам Николаевска. В домик Невельских с «Паллады» привезли фортепьяно, здесь танцевали, пели, ставили спектакли. Иногда и сам Геннадий Иванович лихо отплясывал кадрили. Радостно было Екатерине Ивановне, когда она от всего сердца поздравила мужа с производством в контр-адмиралы. Целый день в дом с поздравлениями приходили старые соратники Геннадия Ивановича, офицеры с «Паллады», нижние чины, члены их семей. Рад производству был и сам Невельской. Он искренне благодарил Н. Н. Муравьева, которому послал очень теплое письмо. Благодарил он и великого князя Константина, без внимания которого вряд ли было возможно, при всех трудностях в Амурской экспедиции и своеволии ее начальника, такое быстрое продвижение в чинах. Указ, подписанный еще в то время, когда Невельские перебирались из Петровского в Николаевск (25 августа 1854 года), дошел до Николаевска лишь в январе 1855 года. Отметим это известие достойно.

К весне ждали прибытия Петропавловского гарнизона во главе с камчатским губернатором В. С. Завойко. Наверное, Невельской понимал, что ему скоро придется уезжать с Амура, возможно на

длительный срок. Не могли же две власти сосуществовать в одном месте! Мы видели из письма Екатерины Ивановны, что Невельские собирались на год уехать в отпуск. К тому же в Николаевске ожидался и Путятин. Николаевский пост должен был всех встретить и разместить. В зиму с 1854 на 1855 год тут скопилось 820 человек, в Мариинском — 150, да в Петровском — еще 15, там же на рейде зимовала шхуна «Восток».

И все-таки на зиму удалось разместить всех. Николаевск превратился в городок. Невельской рассказал обо всем этом так: «Несмотря на все, наше общество не скучало: пошли домашние спектакли, маскарады и танцы, фейерверки и иллюминации, катанье на собаках и пикники в Петровском. Для развлечения команды устраивались горы, пляски и тому подобное. Всё и всех оживляли единственные тогда дамы: жена моя и Е. О. Бачманова; оне были душою всех развлечений, столь необходимых в такой пустыне, отрезанной от всего цивилизованного мира. Туземцы с нами освоились, завелись постоянные базары, рыбы и дичи доставлялось туземцами достаточно и с охотой; в предметах же, необходимых для более или менее цивилизованных людей, как-то: сахара, чая, кофе и прочего... недостатка не было. Медикаментов... было вдоволь; теплой одежды для команды фрегата и экспедиции — тоже. Свежая пища, по возможности просторное помещение и заботливость господ офицеров о сохранении здоровья людей и об их развлечениях, несмотря на сырые здания, сооружавшиеся прямо с корня, усиленные работы и различные, весьма неблагоприятные климатические условия... сделали то, что зимовка прошла весьма благополучно, мы можно сказать, блистательно победили лютого и неизбежного в пустыне врага»¹⁰.

Подробности жителя-бытья на Амуре и совсем неизвестного случая, относящегося к Екатерине Ивановне Невельской, о котором та и не знала, мне удалось обнаружить в письме Николая Ельчанинова в Смоленск к дяде Николаю Матвеевичу Ельчанинову, датированном 17 февраля 1855 года, и в дневниковой записи В. А. Римского-Корсакова от 19 февраля 1855 года. Брат Екатерины Ивановны, в частности, сообщал: «Я уже Вам писал, что мы живем все в Николаевском посту, который по числу жителей, состоящих из офицеров и солдат, может называться уездным городом; общество офицеров состоит большею частью из молодых людей, что немало способствовало провести зиму очень весело и приятно, если только можно ожидать веселья в таких отдаленных странах, лишенных всякого сообщения с остальным миром, и окруженною дикарями, очень непривлекательными...

Итак, вот как мы провели зиму. Устроили театр, на котором мы дали четыре представления из комедии Гоголя, и надо Вам сказать, что против ожидания все вышло чрезвычайно удачно, и даже проблеснуло несколько довольно замечательных талантов; сверх того у Геннадия Ивановича было в продолжение зимнего сезона до Великого поста до шести танцевальных вечеров, на которых публика, танцую под балалайки и несчастную скрипку, плясала от души, хотя дам на оных были всего две, сестра и madame Бачманова, жена помощника Геннадия Ивановича. Несмотря на это, было очень оживленно и раньше трех часов не расходились; на святках был даже маскарад, и могу Вам похвастать, что на берегах Амура, едва известных в образованном мире, явились в зале костюмы, которые бы не испортили никакого маскарада в Европе; впрочем это не удивительно, потому что в Николаевском есть магазин Российско-Американской компании, в котором можно найти самые изящные товары, так что с этой стороны Николаевское может превосходить многие губернские города в России; на масленице были устроены горы, на которых катались обыкновенно до 200 человек; так что было очень оживленно и даже заставляло забывать, что мы живем в пустыне.

Теперь настал Великий пост и все стихло, и слышен только звон колокола, призывающего исповедников в небольшую церковь, пристроенную на время к казармам. Скоро весна, и все закипит деятельностью и жизнью: постройка батарей, плавание по Амуру в ожидании неприятеля, который так неудачно заглянул прошлое лето в Петропавловск, из которого ушел с большим уроном, но Вы вероятно уже читали об этом в газетах. Сестра моя, слава Богу, здорова и моя малютка племянница Олинька делается с каждым днем милее и забавнее»¹¹.

Очень хочется привести еще одну выдержку из документа. Воин Андреевич Римский-Корсаков, шхуна которого зимовала в Петровском, сам часто и по несколько дней проводил в Николаевском, и каждый раз первым делом бывал у Невельских. Так, и на этот раз он появился у них в феврале, а в результате этого визита появилось его признание, которое он излил в письме родителям 19 февраля того же года. Он писал, что приехал сюда на праздник, чтобы «рассеяться и посмотреть своих знакомых». А дальше сообщил: «Что делать! Пожалейте меня, говоря шуточно, а говоря серьезно, повезло: не знаю, за что ниспослано на меня Божье наказание, не знаю, испугает ли вас мое признание, посмеетесь ли вы над ним, но уж не сетуйте на меня за то, что я, волею судеб принужденный к молчанию, имею потребность высказаться, да и перед кем же мне высказаться, как не перед вами? Дело коротко и ясно: я на

тридцать третьем году от роду имею несчастье быть в первый раз влюбленным. Это бы еще ничего, но в том-то и беда, что любовь моя пала на замужнюю женщину, на жену моего доброго приятеля, который радушно меня принимал, вовлек меня, сам того не подозревая, в частые свидания со своей барыней, а затем я что ли виноват, что К. И. Невельская так хороша собой, так грациозна, так любезна?! Разумеется, я недаром же прожил тридцать три года на свете и надеюсь, что с помощью Божьей удастся переломить себя и выкинуть из головы такой нелепый бред, и подавить в сердце безрассудное и уродливое чувство, но без страданий дело не обойдется, и я, преодолевая себя, вижу, что я не способен теперь и долго еще не буду способен ни к какому занятию. Смутное беспокойство и упадок энергии — вот что царствует теперь в моей душе. Пожалейте же меня и помолитесь!»¹²

Надо сказать, что суровый и великодушный Римский-Корсаков, тайно и нежно влюбленный в Екатерину Ивановну Невельскую, никому больше не открылся в своих чувствах. И мы узнали о них совсем недавно, когда большая часть его архива была разобрана Б. П. Полевым и им же опубликована. Разумеется, Невельские не могли и догадываться об этом.

Возвращаясь к описанию жизни в Николаевске и вообще на устье Амура, надо сказать, что предсказания Н. И. Ельчанинова сбылись. Пришла весна, в порту и на постах все закипело. Из заготовленных зимой бревен строились дома, по всем правилам военного искусства возводились батареи и даже была построена первая на Амуре шхуна-баржа «Лиман», которую матросы прозвали «Бабушкой». Все было направлено на то, чтобы достойно встретить неприятеля, который, как стало известно Невельскому из сообщения Муравьева и собственных предположений, обязательно будет искать боевых встреч с русскими кораблями, которым было предписано ранней весной, по возможности как можно раньше покинуть Авачинскую губу и уйти к устью Амура.

И вот стало известно, что 5 мая 1855 года Петропавловская эскадра в составе корвета «Оливуца», фрегата «Аврора», транспортов «Байкал», «Иртыш», «Двина» и ботов «Кадьяк» и № 1 благополучно пришла в залив Де-Кастри. Для этого пришлось пропиливать во льду Авачинской губы каналы, по которым В. С. Завойко сумел скрытно, «под носом» у неприятельских кораблей, провести русскую эскадру под берегом Камчатки и дальше — до залива Де-Кастри. Когда сошел лед, и неприятель появился в Авачинской губе, он не обнаружил там ни кораблей, ни гарнизона. В Петропавловске остался всего-навсего маленький гражданский

административный аппарат. Англо-французская эскадра рыскала по дальневосточным морям в поисках русских кораблей. Она ходила вдоль побережья Охотского моря, заглянула в Аян. Обнаружив бриг «Охотск» в Сахалинском заливе, неприятели преследовали его, желая привести на буксире хоть какой-нибудь трофей, но команда затопила бриг, а сама сошла на берег при входе с севера в лиман Амура.

В октябре враги пришли в Де-Кастри, обстреляли его, высаживали десант, пытаясь овладеть постом. Но все оказалось безуспешным: сначала местный гарнизон сдержал натиск, а затем из Мариинского поста прибыло подкрепление. Невельской и Ельчанинов участвовали в этих событиях. В результате неприятельская эскадра ушла в неизвестном направлении. Всем ясно было, что весной она появится снова.

Тем временем, в связи с образованием административного управления с центром в Николаевске, готовилось расформирование Амурской экспедиции, личный состав которой переходил в подчинение камчатского военного губернатора, то есть В. С. Завойко. Муравьев предложил Невельскому должность начальника штаба при главнокомандующем всеми морскими и сухопутными силами, сосредоточенными в Приамурье, то есть при нем самом. Действительно, как я уже говорил, Амурская экспедиция выполнила свою основную задачу, и Невельской давно рассчитывал на заслуженный годовой отпуск.

В одном из писем этого времени он делится своими открытиями с М. С. Корсаковым: «Итак, все хорошо, но болезнь жены меня сокрушает (Екатерина Ивановна летом 1855 года ждала еще одного ребенка. — А. А.). После смерти Кати, когда жена испугалась, с нею делаются истерические припадки... Ей нужно уехать хотя бы на год... Если он (Муравьев. — А. А.) найдет возможность — если это будет так, то откровенно Вам скажу, — этим дали бы и мне отдохнуть немножко и увидеть свою старуху-матушку; будет уже пять лет, как я не видел старуху»¹³.

А тем временем второй сплав по Амуру, подготовленный стараниями Муравьева, Корсакова и Назимова, состоявший из трех отрядов, благополучно шел к устью Амура. С ним помимо войск и боеприпасов шла научная экспедиция Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества под руководством Р. К. Маака. При участии астронома Д. П. Рашкова и топографа новые поселенцы после полуторавекового перерыва основали русские селения на левом берегу Амура: Иркутское, Богородское, Михайловское, Ново-Михайловское, Сергиевское, Воскресенское.

С прибытием сплава подошло и предписание, согласно которому Амурская экспедиция расформировывалась и заменялась Управлением камчатского военного губернатора с местопребыванием в Николаевске-на-Амуре. Сразу все стало на свои места. Не дожидаясь прибытия В. С. Завойко, Невельской (мы помним об особых отношениях, сложившихся между ними) сдал дела по экспедиции своему заместителю А. В. Бачманову и перебрался с семьей в Мариинское, которое было выбрано главным местом пребывания русских войск в Приамурье. Он считал, что двух комнат, которые до него занимал полковник Назимов, его семье хватит, так как в ближайшем времени надеялся выбраться отсюда по Амуру в Иркутск и дальше — к родным местам и в Петербург.

По новой должности особых дел у Невельского пока не было, и он использовал время для того, чтобы составить подробный отчет о работе Амурской экспедиции за все истекшие годы. Готовый документ он представил Н. Н. Муравьеву. Я читал его. Он удивляет своей лаконичностью, блестящей характеристикой сподвижников Невельского и сообщением о небывало малых средствах, потраченных на содержание экспедиции.

Наверное, Невельские не стали бы задерживаться даже и на такое короткое время в Мариинском, если бы не беременность Екатерины Ивановны. 8 августа 1855 года, там, в Мариинском, у Невельских родилась дочь, которую назвали Марией. Екатерина Николаевна и Николай Николаевич Муравьевы стали крестными родителями малышки и искренне поздравили Невельских с прибавлением семейства, пожелали им доброго здоровья и счастливого возвращения в родные края. Тем более, что первоначально намечалось, что Муравьевы, а также семьи Завойко и Невельских отправятся из Николаевска вместе, пользуясь присутствием здесь американского парохода «Пальмето», на котором они собирались добраться до Аяна.

Но все получилось совсем не так. Многочисленные семьи Невельских и Завойко не сумели быстро собраться в дальнейшее путешествие, а Муравьев торопился в Иркутск. Сыграло свою роль и то обстоятельство, что шхуна «Восток», недавно пришедшая, собиралась в скором времени также отправиться в Аян — и сразу из Мариинского. Это было очень удобно. Новость эта успокоила обоих контр-адмиралов и их супруг, все стали потихоньку и основательно готовиться к отправлению.

Однако уже через некоторое время выяснилось, что шхуна не может идти в плавание и вынуждена остаться в Мариинском на зимовку. Ничего не оставалось делать, как проводить еще одну зиму на Амуре.